

6 ЧЕРКЕССКОЕ ПИРАТСТВО

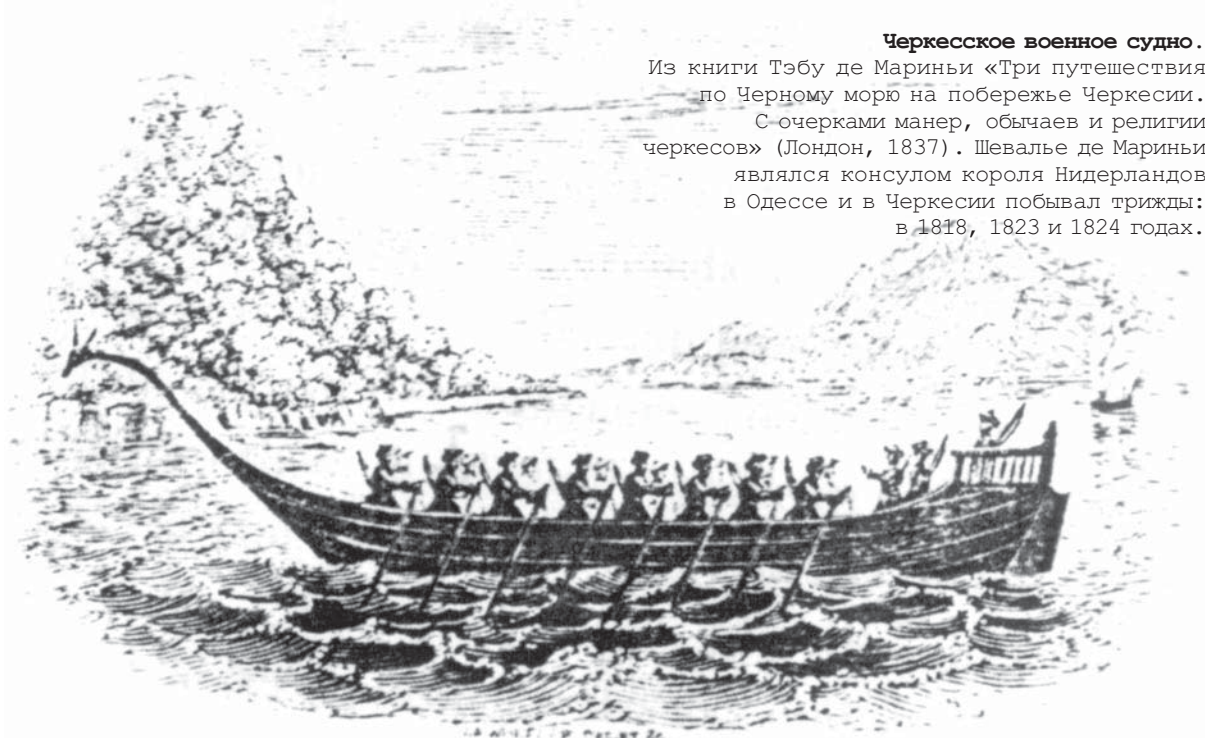
Значимость темы пиратской традиции у абхазо-адыгов определена тем, что ее изучение демонстрирует как автохтонность абхазо-адыгского этнического субстрата, так и его социокультурную идентичность. Историография этой темы содержит как те работы, в которых авторы уделяют предпочтительное внимание черкесскому (адыгскому) пиратству, в более широком плане мореходству, так и тот взгляд, согласно которому все побережье Черкесии занимали абхазские племена и в этой связи, черкесское пиратство XIX в. объяснялось как заимствованная традиция. Согласно нашему видению этой непростой темы, как адыги, так и абхазы на всем протяжении их существования были тесно связаны с морем и потому изолированное рассмотрение пиратства едва ли правомерно.

Пиратство, как таковое, связано с ландшафтом и типом социальной организации. Этой взаимосвязи посвящена обстоятельная диссертация Н.А. Хачмахова (Майкоп, АРИГИ). Мы видим, что аборигены Крыма – тавры, а на их родство абхазо-адыгам указывали многие авторы – так же занимались морским разбоем. Но не менее склонные к набегу татары, занимая таврский ландшафт 500 лет, так и не выработали умения мореходства. В. Королев, специалист в области казачьей морской культуры, писал в этой связи: «Казачья морская история резко противоречит довольно популярной «татарской» гипотезе происхождения казачества по той причине, что татары не занимались мореходством. Из восточных версий подходящей с морской точки зрения оказывает-

Черкесское военное судно.

Из книги Тэбу де Мариньи «Три путешествия по Черному морю на побережье Черкесии.

С очерками манер, обычаев и религии черкесов» (Лондон, 1837). Шевалье де Мариньи являлся консулом короля Нидерландов в Одессе и в Черкесии побывал трижды: в 1818, 1823 и 1824 годах.

ся «черкесская» гипотеза. В XVI в. черкесы (адыги) жили на побережье Азовского моря; в том числе в дельте Дона, и только потом были оттеснены на Таманский полуостров, а впоследствии в горы. От упомянутого столетия дошло довольно много информации о черкесских действиях на море, вполне подобных казачьим. Морская активность адыгов продолжалась вплоть до Кавказской войны XIX в., и известны случаи нападения черкесских судов на корабли российского Черноморского флота. При этом надо подчеркнуть, что гребные суда адыгов внешне напоминали казачьи струги. Но их детальным сравнением пока никто не занимался, и трудно сказать, есть ли в этом сходстве «генетика»¹. Изучение абхазо-адыгского пиратства выводит нас далеко за рамки материнской территории абхазо-адыгов. Типологическое и технологическое сопоставление черкесского и казачьего мореходства действительно подтверждает многократно высказывавшееся мнение о черкесском происхождении первых казачьих республик Среднего Поднепровья². В данной же работе пиратство абхазо-адыгов будет интересно нас в контексте преемственности культуры и этноса на Западном Кавказе от эпохи античности до нового времени.

Как этнокультурное сообщество, древнейшие этапы истории которого прошли в непосредственной близости от Черного моря, абхазо-адыги должны были демонстрировать определенный уровень развития мореходства уже в античную эпоху — т.е. с самого начала письменных отчетов по территории Западного Кавказа. В «Географии» Страбона дано столь развернутое описание западнокавказского пиратства, что оно

не оставляет сомнения в его давности, размахе, технологической изощренности: «После Синдской области и Горгиии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа. Эти народности живут морским разбоем, для чего у них есть небольшие, узкие и легкие лодки вместимостью до 25 человек, редко — до 30; у греков они называются «камарами»... Снаряжая флотилии таких «камар» и нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город; они господствовали на море. Иногда им помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки, рынок для сбыта добычи. Когда они возвращаются в родные места, то при отсутствии корабельных стоянок им приходится на своих плечах переносить «камары» в леса, где они и живут, обрабатывая скудную землю. Когда же наступает время плавания, они снова несут свои лодки к берегу. Точно так же поступают они и в чужих странах, где им хорошо известны лесистые места; там они прячут свои «камары», а сами пешком бродят днем и ночью, похищая людей для продажи в рабство. Похищенных они с готовностью предлагают отпустить за выкуп, извещая об этом после выхода в море их родных. В землях, подчиненных местным властителям, правители оказывают помощь жертвам насилия; они нередко в свою очередь нападают на разбойников и, захватив их «камары», приводят назад вместе с экипажем. *Области, подчиненные римлянам, более бессильны против этого зла из-за небрежения посылаемых туда правителей*»³.

В сообщении Страбона есть ряд важных моментов, которые подтвер-

ждаются другими источниками: это доминирование в море пиратов-горцев Западного Кавказа; господство достигалось не за счет банального грабежа купеческих судов, но путем организации масштабных пиратских экспедиций против целых городов и государств; неспособность греков и римлян разбить пиратские флотилии западнокавказских горцев. Цари Боспора (Пантикапея) оказались не в состоянии справиться со своими ближайшими соседями. Е.А. Молев (Белгород), новейший исследователь истории Боспора, отмечает: «Ахейцы, зихи, гениохи и керкеты сохраняли свою независимость в течение всего правления Спартокидов. Их пиратская деятельность сильно препятствовала экономическим связям Боспора с полисами и государствами Причерноморья и Средиземноморья... Замечание Страбона о предоставлении боспорянами этим племенам корабельных стоянок и рынков сбыта добычи свидетельствует о неспособности последнего Перисада вести военную борьбу с названными племенами на море... Итогом взаимоотношений Боспора с племенами Предкавказья стала известная зависимость от них»⁴. То обстоятельство, что горцы Западного Кавказа были в состоянии одерживать победу в морских сражениях над флотами централизованных государств заставляет нас предположить так же высокий социально-экономический уровень в этих приморских обществах, существование верфей, большого объема знаний, тактики военного сражения на море с участием множества кораблей.

Современник Страбона Корнелий Тацит в Книге III своего трактата «История» подтверждает мнение о неспособности римлян совладать с западнокавказскими пиратами: «В

Понте неожиданно взялся за оружие раб, варвар, некогда командовавший царским флотом, — отпущенник Полемона Аникет. Прежде он пользовался большой властью в этой стране; когда же она сделалась римской провинцией принялся с нетерпением ожидать переворота... во главе значительных сил ворвался в Трапезунд. Расположенная здесь когорта была перебита... Аникет сжег римские суда, забросав их горящими факелами, и стал полновластным хозяином на море... Варвары с удивительной быстротой понастроили себе кораблей и безнаказанно бороздили море.

Корабли эти у них называются камары, борта их расположены близко друг к другу, а ниже бортов корпус расширяется, варвары не пользуются при постройке кораблей ни медными, ни железными скрепами. Когда море бурно и волны высоки, поверх бортов накладываются доски, образующие что-то вроде крыши, и защищенные таким образом барки легко маневрируют. Грести на них можно в любую сторону. Эти суда кончаются острым носом спереди и сзади, так что могут с полной безопасностью причаливать к берегу и одним, и другим концом...»⁵. Римляне лишь ценой подкупа царя Седохеза в Колхиде, во владениях которого расположился Аникет, сумели подавить это мощное выступление кавказцев. И Аникет, и Седохез — имена абхазо-адыгские, имеющие массу сопоставимых антропонимов в поздней номенклатуре. В отчете Тацита содержатся весьма характерные моменты: раб западнокавказского происхождения делает карьеру во флоте — в последующие века очень часто встречающийся факт; скорость постройки флота; нападение на Трапезунд — так же традиционный рейд горцев Адыгеи и Аб-

хазии; связь с равнинными аристократами – «всадниками». Пираты нуждались во всадниках, а те, в свою очередь, в боевом прикрытии с моря.

Помимо Страбона и Тацита, о пиратстве западнокавказских горцев писали Дионисий Периегет, Флавий Арриан, другие авторы. Византийский историк VI века Агафий отмечал у колхов развитое мореходство⁶. Археологические исследования подтверждают сведения античных авторов. Д.С. Бжания обнаружил керамическую модель морского судна с высокими бортами, клиновидной носовой частью и выступающим форштевнем в виде стилизованного изображения головы собаки или волка. Эта ценнейшая находка была сделана на крупном поселении эпохи бронзы в устье реки Тоумыш⁷. Абхазское божество собак *Альшкынтыр* в новое время считалось покровителем пиратов – одноименная гора являлась местом поклонения пиратов. Зооморфные форштевни, очень часто с собачьей головой, характерны для абхазо-адыгских пиратов вплоть до XIX в. Керамический макет эпохи бронзы подтверждает связи древних басков с населением Западного Кавказа. Крупный специалист по истории раннесредневековой Абхазии Ю. Н. Воронов указал на связь богатых каменных гробниц IV века на территории Санигии (совр. Сочи – Адлер) с традицией морского разбоя: саниги согласно Воронову, вполне могли участвовать в морских рейдах готов⁸. Сама идея нападения на римские территории в Средиземноморье с моря была подана готам приазовским племенем *боренов*. Абхазо-адыгская этничность этого пиратского племени вполне вероятна.

В средние века абхазо-адыги продолжали контролировать северо-восточный сектор Черного моря, а тра-

диция пиратства усердно культивировалась всеми приморскими общинами. Помимо пиратства определенное развитие получило и торговое мореходство. Масуди в середине X в. сообщает о морской торговле у кашаков (касогов), которые приплывали на своих судах в Трапезунд⁹. Согласно Н.А. Хачмахову, в X веке касоги, подобно руссам и викингам, сжигали своих погибших вождей на кораблях. Весьма важно отметить, что крупнейшая операционная база пиратов-руссос располагалась в Зихии на Таманском полуострове¹⁰. Это автоматически означает, что в состав пиратских эскадр руссос входили западнокавказские горцы. Они совместно грабят побережье Византии, выходят в Средиземное море и грабят побережье Андалусии и Каталонии. Очень знаменательно, что древние руссы, которых Вернадский считал смесью готов и сармато-алан, с самого начала своей истории связаны только с югом: Кавказ, Крым, Украина, Южное Поволжье. Н.Я. Марр обращает внимание на то немаловажное обстоятельство, что армянские источники X века часто помещают Руссию рядом с Абхазией, а царей Руссии и Абхазии изображают в одинаковых одеждах¹¹. Пиратские рейды руссос имели характерный западнокавказский подтекст: из Тамани они входили в Дон и поднимались до его излучины, где он протекает ближе всего к Волге, затем волоком переходили в Волгу и спускались в Каспий, где грабили мусульманские княжества на территории современного Азербайджана¹². Видимо в этот период появился топоним *Зих* на Апшеронском полуострове, а так же само название *Апшерон*, имеющее множественные этимологии на материалах абхазо-адыгских языков¹³. Подобный маршрут типичен для западнокавказ-

ких пиратов и слишком труден и незнаком для викингов. В XVI веке черкес Касим-паша, жанеевец по происхождению (а жане занимали крайний запад Черкесии и некоторые территории в Крыму – С.Х.) предлагал султану Сулейману соединить Дон и Волгу каналом¹⁴. Вооружение руссов X в. имеет много общего с черкесским оружейным комплексом. Совпадает прическа, о чем писали очень многие авторы. Как и черкешенки женщины руссов носили корсеты. Архитектура жилища руссов – западнокавказская¹⁵. Руссы имели фундучные знамена, исключительно характерные для абхазо-адыгов. Похоронный обряд руссов в точности тот, который имели черкесы и абхазы¹⁶. Совпадает в деталях культ коня. Как и абхазо-адыги, руссы практиковали атальчество (fosterage) – систему приемного родства¹⁷. «Русская правда» содержит явные адыгизмы – социальные термины, заимствованные из адыгского языка – *унеин* и *тиун*¹⁸. Руссы в Крыму и на Хортице имели культ священных деревьев, заимствованный ими, согласно Вернадскому, у черкесов и абасжан¹⁹. Каждое из вышеназванных этнокультурных соответствий между абхазо-адыгами и ранними руссами имеет мощное источниковое обоснование. Приведение этого материала не входит в круг поставленных задач. Для нас вполне очевидно, что русское пиратство X века не может быть рассмотрено изолированно от абхазо-адыгского. Тем более, что именно северо-восточный сектор Черного моря получил название от византийцев – «море руссов».

Н.А. Хачмахов отмечает, что на период позднего средневековья и начало нового времени приходится наибольшее количество отчетов о пиратстве абазов и черкесов. В XIII–XVII

вв. абхазо-адыги интенсивно контактировали с генуэзцами, венецианцами, османами. Все эти группы имели мощные флотилии. Османы достигали Индонезии и Исландии, грабили испанские галионы у берегов Америки, подвергли разорению Рейкьявик и Плимут в первой половине XVII в. Репутация итальянцев, как мореходов, вообще не нуждается в наших комментариях: оба открытия Америки сделаны уроженцами Аппенин – Колумбом и Америго Веспуччи. На этом авторитетном фоне достаточно неожиданно выглядят успешные пиратские рейды горцев Западного Кавказа.

На всем протяжении своего существования генуэзская Каффа (1266–1475гг.), штаб-квартира всех генуэзских факторий в бассейне Черного моря, испытывала давление со стороны пиратов Западного Кавказа. Непокойно было даже в нижнем течении Кубани (Пшиза), где только защита со стороны князей равнинной Зихии давала хоть какую-то гарантию свободного проезда. В 1471 г., когда князь Копы (совр. Славянск-на-Кубани) Белзбук умышленно перестал уделять внимание охране торговых судов из Каффы, участились случаи захвата. И это несмотря на то, что вооруженные фусты сопровождали переход из Каффы в Копу²⁰. Администрация Каффы была вынуждена пойти на крайнюю меру и запретила всем членам генуэзской общины иметь дела с жителями Копы. «Что же касается больших убытков и опасностей, – сообщали консул и массарии 18 мая 1471 года банку Сан-Джорджо в Генуе, – которыми зихи ежегодно угрожают нашим купцам и гражданам в Копарио, постановлено было нами в этом году воспретить туда доступ кому бы то ни было до тех пор, пока удаст-

ся вступить с теми зихами в какое-либо соглашение»²¹.

Морской разбой в наибольших масштабах учинялся представителями никому не подчинявшихся вольных обществ так называемой «Белой Зихии» (Alba Zichia). Все те многочисленные соглашения, которые заключали консулы Каффы с князьями Черкесии, с обязательностью нарушались горцами. Наибольшую активность зихские пираты проявляли как раз в районе пролива, столь стратегически важного для Каффы, перехватывая галеры каффян на их пути в Копу или Батияр. Причем разовая добыча могла составить сумму в 50000 аспров²². Неспособность Каффы наказать пиратов, которые как и в античные времена были связаны с князьями равнинной Зихии, временами приводила к почти полному параличу торговли. Известен лишь один случай, когда администрации Каффы удалось отобрать обратно награбленное пиратами имущество. В бумагах одного из нотариусов, практиковавших в Каффе, за апрель и май 1290 г. содержится контракт морского капитана Вивальдо Лаваджио (Vivaldo Lavaggio), командовавшего одной из галер Аргун-хана, монгольского правителя Ирана, чьи владения выходили через территорию Грузии и Мингрелии к Черному морю²³. И, как следствие, Аргун-хан был заинтересован в охране своего участка черноморского побережья от нападений зихов. В заливе Джубги (Dchubg) Лаваджио удалось отнять у местных корсаров товары, ранее награбленные ими с кораблей армянских и греческих коммерсантов²⁴.

Два других широко цитируемых в литературе эпизода дают представление о подлинном размахе этого промысла в Зихии. Лаоник Халькокондил, автор византийской ис-

тории с 1298-го по 1463 г., сообщает под 1458 г. о нападении зихов под предводительством некоего Артабила на Трапезундскую империю, которая, впрочем, состояла в тот период из г. Трапезунда с окрестностями²⁵. Имя пиратского адмирала — Артабил — следует сопоставить с этником «Арт», покрывавшим одно из подразделений Абаза к югу от садзов²⁶.

Не меньшим размахом отличалась и экспедиция черкесских корсаров 1572 года. В донесении венецианского посла в Персии Винченцо ди Алессандро за 25 июля 1572 года из города Конья сообщается, что «черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разрушили за 300 миль отсюда все поселения побережья, разорили турецкие виноградники и перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары, вследствие чего опасаются, как бы они не пришли в этот город (Конья — С.Х.)»²⁷. Из Трапезунда были снаряжены 6 вооруженных галер для защиты этой местности, с приказом от султана Селима (имеется в виду Селим II) не выходить из порта, но сторожить только город, так как боялись, что черкесы еще больше увеличат число своих кораблей. Посол добавляет: «А мне было велено держать путь на Грузию и Черкесию, но из боязни тех корсаров я повернул обратно»²⁸. И хотя последний эпизод 1572 года выходит за хронологические рамки генуэзского периода, тем не менее, можно со значительной степенью уверенности считать его типичной иллюстрацией для XV века.

Мы можем заключить, что в XIV–XVI вв. Зихия (Черкесия) включала в себя всю или большую часть убыхо-садзо-абазинского этнического массива. В источниках X–XVI вв. Зихия занимает побережье вплоть

до совр. Гагр: в этой связи тот исторический материал, который в эти века определяет наши представления о зихском-черкесском пиратстве, имеет отношение не исключительно для одних только адыгов, но и для абазин. В XIX в. политические границы Черкесии вновь включают в себя район Адлер-Гагры, что засвидетельствовано и в записках путешественников, и в османо-русских трактатах. Пресловутое укрепление Святого Духа в районе Гагр, построенное русскими после 1810 г., когда владельцы Абхазии согласились с включением их княжества в состав Российской империи, обозначило как раз северные пределы владений Шервашидзе Чачба²⁹.

Далее, в 1829 г., по Адрианопольскому трактату черкесское побережье от устья Кубани до укрепления Святого Духа отошло к Российской империи. Убыхи и садзы были в составе Черкесии и сами себя считали черкесами³⁰. В этой связи пиратство черкесов в XVIII-XIX вв. — это совокупная активность садзов, убыхов, абазин, шапсугов, натухайцев. Исключение в этом плане составляет XVII век — апогей абхазского пиратства и наибольшего расцвета абхазского феодального княжества. В этот век абхазы громят Мингрелию и уничтожают мингрельский флот. На севере апсуазычные группы достигают Туапсе, а на юге — устья Риона³¹. В Османских отчетах XVII в. больше упоминаний об абазском, но не черкесском пиратстве. Опять-таки, как и в случае с черкесским пиратством мы констатируем значительную долю убыхов и садзов, и приморских абазин в абхазском морском доминировании XVII в.

Зихи (черкесы), по сути адыго-абазинское сообщество, воспринимались генуэзцами и вообще итальян-

цами как королевское племя, мужественное и коварное одновременно. О воинственности и коварстве зихов писал венецианец Иосафат Барбаро³². В переписке между Кафрой и Генуей за 1473 г. зихи сопровождаются эпитетом «коварные»³³. Статут Каффы ввел даже обязательное отчисление средств на укрепление стен в Тане со стороны Черкесии³⁴. Те татары, которые отважились совершать набеги на черкесов, заслуживают у итальянского наблюдателя определение «безумных храбрецов»³⁵. Татары избегали появляться в Черкесии без особой на то нужды и путешествовали из Крыма в Астрахань, «оглябая Черкесию» (*intorno apreso la Circassia*)³⁶. О черкесах в Египте Интериано отозвался как о «величайших владыках в мире»³⁷.

Взаимоотношения Генуи и Зихии характеризует и то обстоятельство, что в 1462 г. с князем Белзбеуком была заключена конвенция «*pro conducendis populis*», т.е. о найме солдат³⁸. Давид, последний император Трапезунда, в своем послании герцогу Бургундии Филиппу (22 апреля 1459 г.) называет зихов и абазгов в числе своих союзников в готовящемся крестовом походе против османов³⁹.

В этот же период жители княжеской Абхазии не вызвали подобных отзывов со стороны итальянцев, т.к. Абхазия пребывала в составе Мингрельского царства под управлением династического дома Дадианов⁴⁰. К мингрельцам генуэзцы и венецианцы относились с едва скрываемым презрением⁴¹.

Прежде, чем перейти к анализу абазо-черкесского пиратства в османскую эпоху еще раз обратимся к XV веку, как периоду безусловного черкесского доминирования не только на Кавказе, но и в си-

рийско-египетском султанате Мамлюков.

Авторы «Казачьего словаря-справочника» (т. 3, Сан-Ансельмо, 1979 г.) особо выделяют морскую тему при анализе причин черкесского возвышения в Египте в XIV–XV вв. Отмечается, что египетские султаны набирали черкесов в свои армии не только ввиду их блестящей репутации в сфере всаднического искусства, но и так же из-за того, что они зачастую являлись опытными моряками. Здесь авторы казачьей энциклопедии наметили чрезвычайно важное направление научного поиска. История египетских черкесов убеждает нас в том, что их мореходные навыки и пиратское прошлое делали их гораздо более конкурентноспособной общиной, нежели татары (монголы), турки (кипчаки), аланы, курды и др. мамлюкские племена.

В отличие от тюрок, черкесы Египта имели несравненно более устойчивую подпитку из своей родной страны. Ни Тамерлан, ни другие их континентальные противники были не в состоянии прервать поток наемников и невольников из Черкесии в Каир: черкесы прибывали на своих судах, а их мобилизационная система не нуждалась в посредниках. Уроженец Пшады, Джубги, Туапсе, Сочи, участвовавший в нападениях на Крым, Грузию, Трапезунд или Самсун с готовностью отправлялся в Александрию — вооруженный, опытный в боях он поступал в армию своего царственного соплеменника.

Вызов Моря, согласно Н.А. Хачмахову, породил в обществах Адыгеи, Убыхии и Джигетии пиратский дух, который, в свою очередь, во многом определял склонность черкесов к военному отходничеству. Свободный проход через Босфор и Дарда-

неллы был обеспечен союзническими отношениями с Византией. Единственные государства, которые могли помешать черкесскому мореходству на пространстве от Туапсе до Александрии — итальянские морские республики. Но и Генуя, и Венеция были зависимы в экономическом отношении от Каира. Итальянцы неизменно фигурируют в качестве коммерческих агентов черкесских аристократов как в Египте, так и в самой Черкесии.

При султанах черкесской династии в Египте появился сильный флот. Если в предшествующие десятилетия Мамлюки-Калауниды беспомощно взирали на акции кипрских Лузиньянов, терроризирующих левантское побережье, а в 1369 г. разграбивших Александрию, то с приходом к власти в Каире черкесских горцев во главе с Баркуком Египет стал преуспевать в морских столкновениях. Очень символично, что появлением Баркука Египет обязан все тем же черкесским пиратам, которые согласно Бертрандону де Мижнанелли похитили юного Баркука в одном из прибрежных селений Зихии⁴². Баркук еще будучи регентом в правление малолетнего Хаджи заключил соглашение с властями Каффы (1379) о перевозке пополнения для мамлюкской армии⁴³. Уже в 1410 г., в правление сына Баркука Фараджа, черкесские мамлюки опустошают южные порты Кипра — Фамагусту и Лимасол. В 1424 г., в правление Барсбая, черкесы повторяют пиратский рейд на остров. И, если первое нападение было до известной степени неожиданным, то второй рейд ожидался. Тем не менее, кипрские франки, сами имевшие сильный флот и располагавшие поддержкой пиратских флотилий с Мальты, Корсики, Сицилии, не отважились встретить мамлюков в море.

Захват острова, осуществленный в 1426 году черкесским адмиралом Иналом, так же мог быть предотвращен, если бы франки дали черкесам сражение на море⁴⁴. Видимо мы слишком мало знаем о могуществе черкесских пиратов, которым уступали дорогу признанные морские разбойники — киприоты, генуэзцы, венецианцы. Ни разу не встретили черкесские корабли и рыцари Святого Иоанна, обосновавшиеся с конца XIII в. на скалистом Родосе и до прихода черкесов непрестанно грабившие мусульман и на море, и на побережье Сирии, Палестины, Египта. При султане Джакмаке черкесские мамлюки дважды опустошали Родос⁴⁵. Как видим, пиратская западнокавказская традиция, привнесенная в Восточное Средиземноморье, оказалась способной подавить сопротивление противников мамлюков на море. Тем не менее, пиратский дух несовместим с унитарной социальной организацией. И, если у себя на родине пираты сохраняли боеспособность на протяжении веков, то в Египте при жесткой власти своих же соплеменников, как это отмечает Н.А. Хачмахов, они достаточно скоро утрачивали тот яростный кавказский натиск, бесшабашность, которые характеризовали их действия в Черном море. Кроме того, после первой войны с османами мамлюки стали испытывать трудности в обеспечении строевым лесом. Османы, контролировавшие с 1453 г. проливы, блокировали с 1485 г. по 1517 г. любые связи черкесов с их метрополией — Западным Кавказом.

В итоге, военно-морское могущество черкесских мамлюков на рубеже XV–XVI вв. оказалось под угрозой. Одновременно активизировались европейские корсары во главе с рыцарями-госпитальерами Родоса. В

1509 г. госпитальеры атаковали мамлюкский порт Эт-Тин на Суэце⁴⁶.

В ответ султан Кансав ал-Гаури направил флот под командой своего двоюродного брата Мухаммад-бея. «Согласно сведениям, полученным из Александрии, — сообщал Ибн Ийас в ноябре 1509 г., — корабли Мухаммад-бея, отплывшие в направлении залива Айаса, столкнулись с европейскими корсарами, подстергавшими торговые суда мусульман. Мухаммад-бей дал им сражение и нанес большие потери их экипажам. Он привез в Александрию уцелевших корсаров и доставил ценные трофеи, стоимостью около ста тысяч динаров. Эта новость обрадовала султана»⁴⁷. Но уже 21 августа 1510 г. в заливе Айас (Искендерун) эскадра Мухаммад-бея терпит сокрушительное поражение: родосские рыцари захватили 18 мамлюкских кораблей, а сам адмирал мамлюков погибает в битве⁴⁸.

В 1498 г. в числе военно-морских противников мамлюков совершенно неожиданно появляются португальцы. 20 мая 1498 года эскадра Васко да Гамы бросила якорь в Каликуте, что означало начало новой эпохи в отношениях Европы с исламским миром.

Васко да Гама (по происхождению баск) и его сподвижники были не только первооткрывателями, но и крестоносцами. Они тут же на рейде индийского порта обстреляли торговые суда египтян⁴⁹. Уже Васко устроил массовые пытки и казни задержанных мусульман: португальцы отрезали носы женщинам, носы и правую руку у мужчин. В 1500 г. появилась вторая португальская эскадра под началом адмирала Кабрала. Он приказал сжечь 10 торговых судов египтян, стоявших в гавани Каликута. В 1502–1507 гг. Васко да Гама, д'Альбукерке и другие

знаменитые адмиралы опустошили мусульманские порты Аравии, Индии и Восточной Африки. В 1507 г. португальцы-«франки» впервые вошли в Красное море, что означало явную угрозу священным городам ислама – Мекке и Медине. Предпоследний черкесский султан Кансав ал-Гаури (1501–1516 гг.) снарядил в Красное море мамлюкский флот. В марте 1508 г. этот флот под командой эмира сотни Хусейна Мушриффа вышел в Аравийское море, где у Диу разгромил португальскую эскадру Лоренсо д'Альмейды. Мамлюков в этом сражении поддержал правитель Диу Малик Айаз, мамлюк русского происхождения и вассал каирского султана. Однако, почти через год, 3 февраля 1509 г., в сражении у Диу черкесский флот был полностью уничтожен. Теперь «франки» стали хозяевами Аравийского моря и Персидского залива. В 1509 г. они заняли порт Кальхат в Омане и разорили прибрежные селения в Дофаре. В 1515 г. эмир Ормуза стал вассалом короля Португалии. Но в Красном море крестоносцев преследовали неудачи. В 1513 г. черкесы отбили их атаки на Аден и Суакин. Для решительного натиска на владения черкесов у португальцев не хватило сил. К тому же Кансав ал-Гаури восстановил к 1515 г. красноморский флот, а командовать им пригласил опытного османского адмирала Сельмена – грека или кавказца по происхождению⁵⁰.

Многие черкесы и абазы делали успешную карьеру в османском флоте, становились командирами кораблей, адмиралами. В XV и XVI веках в османском флоте доминировали греки, особенно уроженцы островов Эгейского моря. В XVII веке доминирование перешло к черкесам и абазам, также опытным мореходам и пиратам. В 1704 г. капудан-

пашой (т.е. главнокомандующим флотом) являлся Черкес Осман-паша, степень влияния которого на государственные дела трудно переоценить: он занимал министерские посты и командовал армиями на протяжении 40 лет⁵¹. Его ближайший сподвижник Черкес Мехмед-паша занимал посты наместника в Иерусалиме и Алеппо, участвовал во множестве боевых операций, возглавлял армию в войне с Австрией, за что получил звание трехбунчужного паши – самый высокий воинский сан империи. В этот же период был знаменит Черкес Ахмед-паша. В 1712–1715 гг. великим визирем являлся Черкес Сулейман-паша. Тогда же маршалом империи (трехбунчужным пашой) был Абаза Осман-паша – его быструю карьеру Дм. Кантемир объяснял врожденной храбростью абазов⁵².

Еще один знаменитый черкесский адмирал – Хасан-паша Джезаирли. Он занимал пост капудан-паши с 1775 г. по 1790 г. Командовал также сухопутными армиями: подавлял мятежи в Ливане, Албании, достаточно успешно воевал с мамлюками, сумев занять Каир, который он удерживал с октября 1786 г. по октябрь 1787 г.; оставаясь капудан-пашой в период с 1787 по 1790 гг., т.е. до самой своей смерти, Хасан-паша занимал пост великого визира⁵³. Непосредственно перед ним великим визирем был черкес Хасан-паша Меййит. В период войны с Наполеоном капудан-пашой был черкес-убых Кучук Хусейн-паша⁵⁴. Он модернизировал османский флот при помощи французских инженеров. Черкес Хусейн-паша был женат на кузине Селима III, мать которого валиде-султан Михр-и-шах являлась уроженкой Адыгеи⁵⁵. Черкес Хусейн-паша помог возвыситься Хосрев-паше, о котором известно, что

он был абадзехом и родился на территории современной Адыгеи⁵⁶. Черкес Хусейн-паша в 1801 г. назначил его наместником Египта, в 1804 г. он стал наместником Анатолии, в 1812 г. капудан-пашой; этот пост он занимал еще раз в 1822–1827 гг., затем в 1827–1836 гг. был военным министром, а в 1838–1840 гг. великим визирем. Хосрев-паша пребывал во власти без малого 40 лет: его называли «делателем пашей». Он поддерживал связи с родиной и все его окружение состояло из черкесов, абазов и грузин. Эдмунд Спенсер, оставивший двухтомный дневник пребывания в Черкесии, лично знал Хосрева. Он сообщает, например, что его любимым напитком был «щыгу»⁵⁷. О его влиянии писал генерал Н.Н. Муравьев: «Нося звание главнокомандующего в столице и над армейскими войсками, он не менее того первенствует и в Диване; содержит в некотором страхе самого султана...»⁵⁸.

Как отмечает Роин Агрба (Сухум), XVII век стал периодом наибольшей активности абхазских пиратов. Чачба убедились в необходимости строительства флота и в привлечении в него вольных западноабхазских горцев с их кораблями, начиная с середины XVI века. В середине XVI в. Дадиани признают власть османов и получают военную поддержку для своих операций в Абхазии. В 30-е годы XVI в. они проиграли войну абхавам и садзам, начали ее вновь, но уже в 1558 г. Леван Дадиани капитулировал и уступил все ранее захваченные земли к северу от устья Ингура. Абхазы к 1569 г., когда османы заняли Кутаис – столицу Имеретии, а также ввели войска в Мингрелию, остались единственным противником империи в Закавказье. Абхазы, заручившись поддержкой садзов и убыхов, в 60-

70-е годы XVI в. произвели ряд масштабных пиратских рейдов на города Анатолии. В 1571 г. последовал фирман Селима II, объявившего блокаду абхазского побережья: «1) найти места расположения абазских пиратов и произвести ужасающие набеги; 2) запретить всякую торговлю с абазами»⁵⁹.

В январе 1574 г. Дадиани и Гуриели обратились за помощью к османам, которые направили в Мингрелию и Гурию специалистов и материал для строительства флота. В 1579 г. османы в Поти разместили эскадру, в задачу которой входило регулярное крейсерование вдоль побережья Мингрелии⁶⁰. Кроме того, османы оснастили пушками галеры гурийцев и мингрелов. Граница между Османской империей и Абхазией установилась по р. Риони – одновременно это была и этническая абхазо-мингрельская граница.

В 1582 г. джики (абазины) и черкесы участвовали в войне между Мингрелией и Гурией на стороне Георгия III Дадиани⁶¹. В 1583 году правитель Гурии Маmia и его ставленник в Мингрелии Дадиани Маmia, женатый на сестре гурийца, заняли всю Одиши (т. е. Мингрелию) после смерти Георгия Дадиани. Затем они «отправились в поход по морю на кораблях в Джикети... джики напали на них и сразились: Дадиани, Гуриели, и войско Гуриели истребили многих. Были убиты сын Гуриели Георгий и его дворяне... Раздели Дадиани, догола раздетыми изрезали Гуриели и трех его братьев, епископов, а войско его взяли в плен. Туда направился католикос Малакия и вызволил живых, а мертвых выкупил за деньги»⁶².

В 1578 г., дабы обезопасить себя от пиратских рейдов абхазов, османское правительство, начавшее войну с Ираном, направило в Сухум

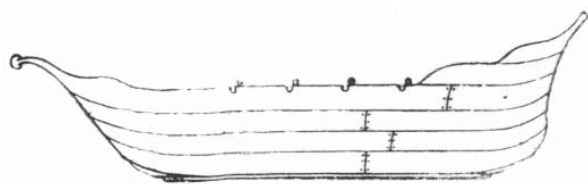
Абаза Хайдар-пашу⁶³. Этот сановник был представителем садзского рода Гечба и прибыл в сопровождении нескольких османских офицеров – так же уроженцев Абхазии⁶⁴. Абаза Хайдар-паша имел при себе назначение на пост бейлербея Сухума, т.е. наместника Абхазии. Чачба и вся абхазская знать, согласно Р.Агрба, встретили Хайдара с почетом: османская блокада была снята, а Абхазия избежала необходимости вести серьезную войну с империей на суше, т.к. в это время в Грузии находилась огромная армия Лала Мустафы-паши.

Эфемерное сухумское наместничество продержалось около двух лет – османская переписка показывает, что уже к сентябрю 1580 года оно было упразднено. Оказалось, что оно было необходимо османам лишь на время войны с Ираном. Абхазия не платила султану даже символической дани – наоборот, Абаза Хайдар-паша получал большие суммы из Константинополя для раздачи «абазским беям», чтобы те не занимались морским разбоем⁶⁵. В 1590 г. «Сухумский Абаза Хайдар-паша» фигурирует как бейлербей только что отвоеванной у персов Гянджи.

В 40-е и 60-е годы XVII века Челеби, посетивший едва ли не все кланы Абазы, отметил, что многие выходцы из Абазии обосновались в квартале Топхане в Стамбуле, где занимались торговлей и ремеслом, а многие служили во флоте. Характерно, что эти абазы отправляли своих детей на воспитание в Абизию. Затем они приезжали в Стамбул и часто достигали высоких постов. В области племени камыш (*хымыш* – подразделение убыхов, западное ответвление бжедугов носит название *хамышей* – прим. С.Х.) «есть абазы, приехавшие из Топхане, из Стамбула и из Египта. У них мно-

го мечетей и много мусульман с семьями и домочадцами»⁶⁶. В морских предприятиях были задействованы даже те кланы, которые жили далеко от побережья: «Черкесы такаку (такахо или тхаркахо – соврем. адыгейские фамилии, прим. С.Х.) тоже прибывают сюда (в область расселения садзов) без опаски и торгуют на судах»⁶⁷. В 30-е гг. XVII в. участились набеги на турецкое побережье запорожских казаков, зачастую фигурирующих как «черкасы». Украинские черкасы пользовались расположением абазов и черкесов: в ряде случаев казачьи и абазо-черкесские пираты совершали совместные рейды⁶⁸ Жан Шарден, посетивший Мингрелию в 1672 г., писал: «Я должен был сесть на корабль, но мне помешало известие о том, что у берегов Мингрелии появились барки черкесов и абхазов. Это оказалось правдой и они захватили множество судов и среди них то, что предназначалось мне»⁶⁹.

В результате очередной длительной войны с Мингрелией в 60–70-х гг. XVII вв. граница поднялась было до Кодора, но затем абхазы оттеснили мингрелов за Ингур. В 1672 г. Чачба сформировали мощный флот, в который вошли корабли садзов, убыхов, бжедугов, жанеевцев, шегаков, и атаквали в районе Поти флот Дадьянов, в результате чего все мингрельские суда были уничтожены⁷⁰. После этого сокрушительного разгрома мингрельцы более не предпринимали попыток противостоять Чачба на море. В 1704 г. наместник Кутайса сообщал великому визирю: «К восставшему на суше Дадьяну на море присоединились Абаза»⁷¹. В 1705 г. Порты усилила соединение кораблей в Батуми, направив десять специальных судов типа «эшкамфуа» (фрегатов). Сулхан-Саба Орбелиани, возвращаясь в 1714 г. из пу-

Абхазская лодка начала XIX в. Рис. П. Гамба.

Шевалье П. Гамба являлся консулом Франции в Тифлисе. В 1-м томе своего сочинения «Путешествие по России южной и особенно в провинциях, расположенных у Кавказа» (Париж, 1826 г.) он помещает зарисовку большой восьмивесельной лодки, широко распространенной в Абхазии этого периода. «Абхазская лодка», как ее называет Гамба, была настолько оригинальной конструкции, что он сделал детальные зарисовки внутреннего вида, плана снизу, продольного разреза, вертикальной проекции, вида сзади, весла и крючка для удержания судна во время морского боя. В параллельном словаре абхазского, черкесского и грузинского языка он дает абхазский термин *matwreh*, обозначавший данный тип морского судна. В галерном флоте Абхазии XVI–XVIII вв. было три основных типа кораблей: с экипажами в 25–30, 50–60 и 100–120 человек. Все они оснащались парусами, иногда – пушками. «Ахичапа» – наиболее крупная абхазская галера могла брать на борт до 300 человек. Согласно Э. Реклю, «абхазские суда, ходившие под веслами и под парусами, экипаж которых состоял из 200–300 человек, отваживались нападать на берега Анатолии, Крыма и Европейской Турции, вплоть до Босфора. В прежние времена многие из них отправлялись в Египет, чтобы продаться там в солдаты. В отряде мамелюков и в самом Каире, среди жителей, было очень много таких, которые родились в горных долинах Абхазии» (Земля и люди. – Т. VI. – СПб., 1883. – С. 78–79). Инал-ипа замечает, что топонимика Абхазии хранит память о богатой мореходной традиции: «В бассейне р. Мчиш на территории с. Мгудзырхва, одна местность известна под именем «Места скрывания лодок» (Ашхуа цэахьрта). Около Пицунды находится небольшое озеро, название которого означает «Место запуска лодок» (Аньшьхцарта). Интересно отметить, что абхазы метко окрестили свое судно словом «ашхуа», обозначающим одновременно килевую кость у птиц, ... Абхазской религиозной фантазией создан образ морского божества в виде белого быка или тумана под именем Аг-ных, Эт-ных. У черкесов одним из главных языческих божеств был Созерес – покровитель мореходов» (Абхазы. – Сухум, 1960. – С. 185).

тешества по Европе, был вынужден задержаться в Трапезунде, так как турецкие корабли не решались выйти из порта, опасаясь абхазских пиратов. «В Гурию я судно не могу вести, – заявил ему один из корабельных владельцев, – абхазы возмущены, боюсь, и, если хотите, отправляйтесь на маленьком судне»⁷².

Р. Агрба, превосходный знаток темы абазского пиратства, указывает, что в османских документах крупные столкновения с абазами на море отмечены в 1714–1716 гг. В этих сражениях абазы выстояли и в 1721 г. блокировали османские гарнизоны в Батуми, Гонии и Анаклее⁷³. В ответ Порты перебросила из Средиземного моря 10 фрегатов и к 1723 году османы взяли Сухум, где спешно стали возводить крепость. Во время строительства крепости абхазы нападали на османов и с суши, и с моря. Положение османской армии в Абхазии было столь сложным, что ее командиры обратились за помощью к имеретинцам и мингрелам. Естественно, что Дадиани воспользовались трудностями абхазов и заняли земли к северу от Ингура вплоть до Кодора. Тем не менее, в 20-е годы, по сообщению царевича Вахушти (Вахушти Багратиони (1696–1757 гг.), сын царя Вахтанга VI, автор «Истории Грузии» – прим. С.Х.) «Абхазы по-прежнему сильны на море, по морям ходят на судах «*oletcandar*», в которые они садятся по 100, по 200 и по 300 человек, и нападают в пути на суда османлисов и лазов-чанов и чаще всего у побережья Одиши (Мингрелии) и Гурии. В боях (на суше) абхазы слабы и быстро уступают, но на море – стойки и могущественны»⁷⁴. Заметим здесь, что термин «*oletcandar*» употреблен Вахушти как слово ему непонятное – не грузинское, а значит абхаз-

кое. Запись этого термина латинскими буквами сделана М.-Ф. Броссэ, который перевел труд Вахушти на французский язык и издал в Санкт-Петербурге в 1842 году. Академик Н.Я. Марр писал, что «термин, употребленный Вахуштом для обозначения абхазской военной лодки, не абхазское, а мингрельское по своему типу слово, хотя мингрелы так же не сохранили его. В термине можем иметь сложное слово «oletcandar», в котором первая часть в таком случае должна быть понята в значении предлога «через», «поперек», а «tcandar» – прич. кованный (минг. tcandua «ковать»), следовательно, полностью – «окованный»⁷⁵. Марр здесь исходит исключительно из этимологических нюансов. Он же считал, что «грузинский язык чрезвычайно слабо повлиял на абхазский в христианские исторические эпохи; влияние выражается главным образом в заимствованных словах, но есть и обратные заимствования из абхазского в грузинский, иногда весьма поучительные. Так, например, грузинское слово *апра* «парус» представляет заимствование из абхазского. Это уже имеет не только словарное, но реальное культурно-историческое значение: выходит, что абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины. И хотя современный быт абхазов не согласуется с таким утверждением, но абхазская речь и абхазские предания полны воспоминаний интимного общения абхазов с морем. В сравнительно недавнем прошлом, именно в XVII веке, абхазы продолжали пользоваться славой энихов, опасных для ближайших соседей и вообще для путешественников... Как, однако, вымирают и в абхазской среде переживания древнего быта, интересно наблю-

ти на судьбе следующей абхазской пословицы: «В чьей лодке сидишь, того песню пой»⁷⁶.

В середине XVIII века интенсивность пиратских рейдов абхазов резко снизилась. Население подвластное Чачба, перестало заниматься разбоем. Абхазское княжество сохранило свой флот и использовало его для противодействия мингрелам на юге и сдерживания черкесских пиратов. Последние достижения абхазского государства в военно-морской сфере связаны с деятельностью Келеш-бея Чачба (умер в 1808 г.). Он поставил себе на службу пиратские традиции своего народа. До 600 военных галер собирались по его призыву в районе Сухума. Около трети этого флота поставляли садзы. В период правления Келеш-бея Чачба, пришедшего к власти в начале 80-х годов XVIII века, флот абхазов буквально держал в страхе все побережье Грузии вплоть до Батума. Иоганн Бларамберг сообщает о том, что паша Трапезунда передал Келеш-бею власть над Батумом – ясно, что он не мог сделать этого без ведома султана Селима III⁷⁷. Видимо, Порты лишь узаконила фактическое состояние в регионе. Согласно Семену Броневскому, уделившему в своей работе значительное внимание абхазскому пиратству, в 1802 году Келеш-бей Чачба построил 74-х пушечный корабль и подарил его Селиму III⁷⁸. В 1810 г. Абхазия вошла в состав Российской империи, что означало конец пиратской традиции на этой территории.

Военная активность Чачба на море, ее более организованный цельный вид, а так же строительство крупных судов с экипажами в 100–300 человек (Вахушти), привела к тому, что некоторые наблюдатели начала XIX в. считали, что черкесы стали заниматься пиратством поз-

же и под влиянием абхазов. «Убыхи, чепсуи и гусие – отмечал Бларамберг, – занимавшие устья речек Пейсва, Шиаке и Зуазе, впадающих в Черное море, научились у своих соседей абхазов заниматься пиратством ... Они уходят на 20–30 верст от берега на барках, которые берут на борт 40–100 человек и даже более ... если они идут на абордаж, то чаще всего берут верх»⁷⁹. Современник Броневского и Бларамберга французский консул в Тифлисе шевалье П. Гамба писал о черкесах, к которым относил садзов и убыхов: «как и во времена Страбона народ этого побережья живет еще пиратством и грабежом»⁸⁰. Даже после того, как в 1830 году русские заняли несколько важных пунктов на побережье Черкесии – Анапу, Геленджик, Новороссийск (Суджук-кале), а так же были возведены форты Лазаревск, Вельяминовск, Головин – черкесы продолжали использовать свои пиратские навыки в целях подвоза боеприпасов и прорыва блокады. Эдмунд Спенсер, посетивший Черкесию неоднократно в 1836–1838 гг., впервые прибыл в Пшаду исключительно благодаря мореходному мастерству и бесстрашию османского экипажа, большая часть которого были уроженцами Западного Средиземноморья: «Капитан и экипаж нашей бригантины были такими смелыми людьми, насколько это возможно ... Люди были, в большей части, французскими изменниками и, я подозреваю, занимались пиратством. Сам капитан, который уверял, что происходит от испанской матери и марокканского отца (в Марокко были очень развитые мореходные традиции, а с конца XVII в. здесь существовала пиратская республика Сале – прим. С.Х.) бегло говорил по-итальянски и по-испански ... Он участвовал во мно-

гих кровопролитных боях, потерял все при завоевании Алжира французами и получил страшную рану, следы которой так уродуют его лицо, при осаде Варны. Его меч обнажался на море и на земле в защиту Великого Сеньора (т. е. султана) к которому он, казалось, был очень привязан...»⁸¹. Первые же дни пребывания в Пшаде связаны у английского аристократа с яркими впечатлениями, которые он получил от общения с черкесскими пиратами (письмо 15 «Прибытие в Пшаду. Черкесские суда похожи на камары Страбона ...»): «После того, как наш капитан дал сигнал, хорошо знакомый черкесам, мы услышали несколько мушкетных выстрелов в различных направлениях леса ... Вскоре несколько длинных судов, которые несли на плечах мужчины к берегу, были спущены на воду, и мы были посажены на корабль дюжиной смелых людей, поющих хором «ка ри ра» и разгружающих товар, и в невероятно короткое время все, включая наше судно, было у берега, последнее уютно скрыли от взгляда в маленькой речке, затененной величественными деревьями. Эта предосторожность была использована вследствие разрушения нескольких их маленьких барков русскими, которые нанесли им нежелательный визит, но враг в свою очередь тоже значительно пострадал по возвращении, что заставило его стремительно отступить на свои корабли. Суда черкесов были плоскодонными, легко построенными и узкими, каждое управлялось от 18 до 24 гребцов и они, должно быть были самыми опытными в этом упражнении, так как они двигали суда с большой скоростью. Недалеко от штурвала была разновидность палубы, на которой сидело 3 или 4 человека; нос лодки был украшен грубо

вырезанной фигурой, представляющей возможно, голову оленя, козла или барана, вероятнее всего последнее. Иногда черкесы строят огромные лодки, которые в состоянии вместить от 40 до 80 человек и управляются, помимо гребцов, угловым парусом»⁸².

Действия черкесов на море во время Кавказской войны отражены во многих отчетах. Так, в документах адмирала М.П. Лазарева, командующего Черноморским флотом, руководившего десантными операциями на побережье Черкесии в 30-х годах XIX века, содержатся сообщения о боевых столкновениях с черкесскими галерами. В феврале 1838 г. Лазарев сообщал начальнику Главного морского штаба А.С. Меншикову об ожесточенном морском бое люгера «Глубокий» с четырьмя черкесскими галерами близ укрепления Гагра⁸³. По воспоминаниям одного офицера русского флота, «Черкесы на своих судах выходили на добычу и днем и ночью, нападали на купцов. Сбивали сперва винтовками людей с верхней палубы, потом бросались с кинжалами на abordаж и в короткое время решали дело»⁸⁴. Карл Кох, посетивший Джубгу в 1840 году, пишет об успешных действиях на море натухайского капитана Хасан-бея⁸⁵. Швейцарский археолог и путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ, посетивший Черкесию в 30-е годы XIX века, отмечал, что гавань *Мамай* в Шапсугии — одно из главных прибежищ пиратов⁸⁶. Рисунок натухайской галеры с форштевнем в виде головы козла предваряет книгу Тэбу де Мариньи, бывшего в Черкесии трижды в 1818–1822 гг.: «Их судно, так же как и все те, что я видел ранее, было плоскодонным, без киля, обшивка была прикреплена к очень тонкому каркасу судна гвоздями и

нагелями из дерева. На носу возвышалось изображение головы животного, определить которое было бы весьма затруднительно, однако черкесы утверждают, что это голова козла . . . Весла на их судах очень короткие, прикреплены к уключинам необыкновенной длины, и имеют поперечные перекладыны для рук гребца. Они пользовались рулем и маленьким квадратным парусом»⁸⁷. Леонтий Люлье в 1848 году наблюдал черкесские галеры в Новороссийске: «Мне самому случилось видеть, что черкесские галеры приходили на веслах из отдаленных мест берега в Суджук-Кальскую бухту, что ныне Новороссийск и далее в самую крепость Анапу»⁸⁸.

В 30-е — 40-е годы XIX века черкесские корсары на крупных галерах с экипажем в 100 и более человек вступали в сражения с кораблями Черноморского флота. В 1832 году, как это явствует из документов Центрального государственного архива военно-морского флота, черкесами был атакован двенадцатипушечный тендер⁸⁹. Там же содержится дело под названием «О посылке к абхазским берегам канонерских лодок для действия противу галер черкеса употребляемых», что говорит о включении абхазского сектора в район действий черкесских военных судов⁹⁰. В 1835 году барон Торнау писал: «В конце апреля приехал в Абхазию генерал Н. Место, выбранное мною для бзыбского укрепления, показалось ему неудобным, и он предоставил себе самому отыскать новый пункт. Осмотрев разные места, он нашел его, наконец, возле устья Бзыба, в четырех верстах севернее Пицунды . . . Н. оправдывал свой выбор тем, что *шапсути и джекеты пристают в этом месте на своих галерах, делая на Абхазию набеги с моря*, и что он надеется

прекратить эти набеги, устроив здесь укрепление. Это было весьма сомнительно. Прибрежные черкесы и абазины, живущие на севере от Абхазии, имели действительно обыкновение отправляться на морской разбой в узких, длинных и чрезвычайно легких лодках, вмещавших от тридцати до пятидесяти человек. Эти лодки, названные нами галерами, были уже известны византийским грекам под именем «камар». Быстрота их удивительна, и они так легки, что люди выносят их из воды на своих плечах, прячут в лесу и отправляются потом на грабеж. Черкесские морские разбойники приставали около устья Бзыба, потому что это место не посещалось никем, но кто мог заставить их приставать к нему, если бы на нем находилось наше укрепление; несколько сот сажень выше или ниже его, да и где угодно, имелось множество подобных притонов на абхазском берегу. Как ни противился этому выбору Пацовский (комендант Сухума — прим. С.Х.), что ни говорил о нем владелец (Михаил (Хамид-бей) Чачба — С.Х.), Н. остался непоколебим. *Морские силы черкесов заняли совершенно его воображение...*», (под генералом Н., как это установил Г.А. Дзидзария, имеется ввиду управляющий Имеретией генерал Д.Д. Ахлестышев — прим. С.Х.)⁹¹. Генерал Н. (Д.Д. Ахлестышев) был обеспокоен вполне оправдано: в мае 1834 года черкесские галеры в большом числе неожиданно подошли к Бомборам, где русские, незадолго перед тем возвели форт, дерзко и стремительно десантировались, и уничтожив те отряды, которые находились вне укрепления, беспрепятственно удалились⁹².

Действия на море были жизненно важны для Черкесии, капитаны которой прорывали русскую блока-

ду и доставляли порох, оружие и соль. Соль входила в список стратегических товаров, поскольку веками страна черкесов получала ее из Крыма, а с установлением там русского господства — из Турции. В 1830 году Россия учредила Черноморскую береговую линию в целях установления блокады Черкесии. С этого времени только мореходные и пиратские навыки, воинские таланты отдельных капитанов позволяли черкесам иметь необходимые припасы. В 30–50-е годы XIX века в главнейших портах Анатолии — Трапезунде, Синопе и Самсуне — постоянно проживало около 370 черкесских семейств, представители которых в обстановке постоянного риска осуществляли все необходимые поставки в Черкесию⁹³. В докладной записке А. П. Бутенева адмиралу Лазареву перечислены уроженцы Шапсугии, Натухая и Убыхии — морские капитаны, отличившиеся в боях с русскими: Али Буюк, Агвай Хаджи, Агвай Тагир, Борук Ибрагим, Даут Кешис, Хаджи Бесленей, Карма Идрис, Хурум Мустафа, Негму Энох, Кимки Осман, Ирамек Исмаил, Дыз Аслангер, Хатко Селим, Гоген Умар⁹⁴.

Как видим абхазо-адыгские суда были гребными и достаточно часто вооружались пушками. Клановые общества абазин и адыгов строили не самые крупные модификации кораблей с экипажами в 100–150 человек, а владельцы Абхазского княжества уже в XVII в. позволяли себе возводить огромные галеры, вмещавшие около 300 корсаров. Корсары Абхазии и Черкесии совершали дальние плавания — вплоть до Александрии. В период войны с Россией черкесские мореходы заставляли считаться с собой командиров Черноморского флота. Этот аспект темы черкесского пиратства был

впервые на основе архивных материалов проанализирован А.Ю.Чиргом⁹⁵. Даже в крупнейшей военно-морской базе, каковым стал Новороссийск (Суджук-Кале), корабли не оставляли вне бухты на бранд-вахте, т. к. черкесы легко могли овладеть ими на галерах в ночное время⁹⁶. В октябре 1836 года в районе Сочи бриг «Нарцисс» был атакован семью убыхскими галерами. Согласно докладной записке командира брига капитан-лейтенанта Варницкого на имя адмирала Лазарева экипаж понес большие потери и дело едва не дошло до абордажа, который не минуемо завершился бы в пользу горцев. Корсары вели бой организованно и все подчинялись указаниям своего капитана, находившегося на носу одной из галер. Он длинным шестом отдавал команды соплеменникам и указывал направление атаки каждой галере⁹⁷.

С самого начала фронтального этапа Кавказской войны, т.е. с 1830 года, российское руководство трезво оценило военно-морской потенциал Черкесии и считало необходимым приступить к скорейшему разрушению и уничтожению «притонов морских разбойников»⁹⁸. Очень скоро царские адмиралы убедились в невозможности истребить черкесские галеры, используя лишь крупнотоннажные военные суда. Было решено противопоставить черкесам казачьи галеры. Баркасы азовских казаков были оснащены пушками и распределены по фортам Черноморской береговой линии. Ее начальник Н.Н. Раевский констатировал: «Азовские лодки на малом пространстве, разделяющем крепость от крепости, могут быть весьма полезны против черкесских галер и контрабандных судов»⁹⁹.

Тем не менее, и в 40-е, и в 50-е годы XIX в. черкесы сумели сохра-

нить свой флот и весьма эффективно использовали его в военных целях. Черкесские делегации добирались морем до Константинополя, а к 1860 г. между Черкесией и Турцией непрерывно курсировало около 800 судов.

Примечания:

1. Королев В. Казачья морская культура: традиции и инновации // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. — Ростов-на-Дону, 1999. — С.86.

2. Горленко В.Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половине XIX в. // СЭ. — 1982. — №3. — С.96-106; Вернадский Г.В. Монголы и Русь. — М., Тверь, 1997. — С.298-299; Татищев В.Н. История Российская. — Т.2. — М.-Л., 1963. — С.240.

3. Страбон. География / Пер. с древнегреческого Г.А. Стратановского. — М., 1994. — Кн.ХІ. — §12 (С.470-471).

4. Молев Е.А. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону, 1986. — С.60.

5. Тацит. История / Пер. Г.С. Кнабе // АИСК. — С.122-123.

6. Дионисий. Землеописание. — §721; Агафий. О царствовании Юстиниана. — М.-Л., 1959. — С.73.

7. Берзения В. Тамьшская ладья / Абхазия. — 1991. — №1.

8. Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. — Сухум, 1998. — С.30-31.

9. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI веков. — М., 1963. — С.206.

10. Диакон Лев. История // Пер. М.М. Копыленко. Комм. М.Я. Сюзюмова. — М., 1988. — С.182-183.

11. Бартольд В.В. Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани // Сочинения. — Т.ІV. — С.215.

12. Якубовский А.И. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа // Ви-

- зантыйский временник. — №24. — 1926. — С.63-92.
13. Гусейн-Заде А. О происхождении этнонима *Зых* // Ономастика Кавказа. — Орджоникидзе. — 1980. — С.109-112.
14. Садигов П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569г. // Исторические записки. — Т.22. — 1947. — С.139-140.
15. Лавров Л.И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. — Нальчик, 1955. — С.50.
16. Вернадский Г.В. Древняя Русь. — Тверь., М., 1977. — С.329, 332.
17. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. — М., 1901. — С.114-116.
18. Орлов А. С. Владимир Мономах. — М.-Л., 1946. — С. 175; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. — Т.3. — СПб., 1903. — С.961; Поучения Владимира Мономаха // Русская литература XI-XVIII вв. — С.54; Федорова М.В. Адыгизмы в русской лексике // Материалы II Международного Генеалогического коллоквиума. — Эльбрус. — №1. — Нальчик, 2000. — С.134-136.
19. Вернадский Г.В. Указ. Соч. — С.354.
20. Kressel R.Ph. The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio. — Wisconsin, 1966, p.399.
21. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Указ. соч. — С.111-112.
22. Kressel R.Ph. The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio. — Wisconsin, 1966, p.389.
23. Bratianu G.I. Actes des Notaires Genoises de Pera et de Caffa de la Fin du Treizieme Siecle (1281-1290). — Bucarest, 1927, pp.271-272.
24. Bratianu G.I. Recherches sur la Commerce Genoise dans la Mer Noire au XIII siecle. — Paris, 1929, pp.196, 260.
25. Земля адыгов. — Майкоп, 1996. — С.426.
26. Челеби Э. Книга путешествия. — Вып.3. — С.50.
27. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Указ. соч. — С.97.
28. Там же. — С.98.
29. Вяземский П. Забытая книга. Письма и записки Оммер де Гелль. — М., 1990. — С.209; Трактат, заключенный в Адрианополе сентября 1829 года // Кандур М. Мюридизм. История Кавказских войн. — Нальчик., 1996. — С.281-282.
30. Серена К. Путешествие по Абхазии. — М., 1998. — С.128-129; Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию. — Нальчик, 1999. — С.65, 76.
31. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников // Пер. и комм. Г. А. Амичба. — Тбилиси, 1988. — С.156, 168; Челеби Э. Указ. соч. — Вып.3. — С.46-47.
32. Барбаро И. — §42.
33. Зевакин Е.С. — С.98.
34. Устав для геллузских колоний. 1449 г. // ЗООИД. — Т.5. — С.808-809.
35. Контарини А. Хожение в Персию // Каспийский транзит. — Т.2. — С.259.
36. Барбаро И. Путешествие в Тану. — §15.
37. Интериано Дж. Быт и страна зиков, именуемых черкесами // АБ-КИЕА. — С.50.
38. Брун Ф. Черноморье. — Ч.2. — С.234.
39. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. — Cambridge, Massachusetts, 1936, p.281.
40. История Абхазии. — С.120-127.
41. Барбаро И. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. — Т.2. — С.144.
42. Ascensus Barcoch. A latin biography of the Mamluk sultan Barquq of Egypt (d. 1399), written by B. de Mignaneli in 1416. Ed. by W. Fischel / Arabika. — Т. VI. — Leiden, 1959, p.64.
43. Verlinden Ch. Le commerce en Mer Noire des Debut de l'Epoque Byzantine au Lendemain des Ottomans (1517). — М., 1971, p.228.
44. Ibn Taghri Birdi. Pt.IV, pp.28-37.
45. Atiya A.S. Crusade, Commerce and Culture. — Bloomington, 1962, pp.142-149.

46. Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574 гг. — М., 1984. — С.6.
47. Ibn Iyas al-Hanafi. Journal d'un bourgeois du Caire. Traduit et annoté par G. Wiet. — Т.1. — Р., 1955, pp.160–161.
48. Ibid., p.185.
49. Иванов Н.А. Указ. соч. — С.7.
50. Иванов Н.А. Указ. соч. — С.8.
51. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — СПб., 1887. — С.708.
52. Cantimir Dm. Histoire de l'Empire Ottoman. — Т.II. — Paris, 1743, pp.306–307.
53. Izzet A. Сос. — Ankara, 1988. — S.203–204.
54. Новейшие исторические, политические, статистические и географические сведения о Турецкой империи. — Ч.1. — М., 1828. — С.89–95.
55. Блаرامберг И.Ф. Указ. соч. // АБКИЕА. — С.361.
56. Izzet A. — S.204–205.
57. Spencer E. Travels in the Western Caucasus, pp.131–135.
58. Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. — Т.1: Военное и политическое состояние. — М., 1869. — С.12–13.
59. Кирзюоглу М. Покорение Кавказа османами, 1451–1590. — Анкара, 1976. — С.10 (на тур.). Цит. по рукописи Р.Агрба «Абхазия и Блистательная Порты», которую автор любезно предоставил мне для ознакомления.
60. Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. — Тбилиси, 1989. — С.208, 214. Цит. по: Агрба Р. Указ. соч.
61. Сообщение средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. — Сухум, 1986. — С.61.
62. Там же. — С.62.
63. Берадзе Т.Н. Указ. соч. — С.58.
64. Кирзюоглу М. Указ. соч. — С.389.
65. Там же.
66. Челеби Э. Указ. соч. — С.50.
67. Там же. — С.50.
68. История Абхазии. — С.127.
69. Путешествие господина дворянина Шардена в Персию и другие восточные страны // АБКИЕА. — С.107.
70. Берадзе Т.Н. Указ. соч. — С.221.
71. Там же. — С.222.
72. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. — Сухум, 1960. — С.179.
73. Шенгелия Н. Османские источники истории Грузии XV–XIX вв. — Тбилиси, 1974. — С.97. Цит. по: Агрба Р. Указ. соч.
74. Description de Georgie. — S. Petersburg, 1842, p.408.
75. Марр Н.Я. Кавказоведение и абхазский язык // Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. — М.-Л., 1938. — С.143.
76. Там же.
77. Бларамберг И. Указ. соч. — Нальчик, 1999. — С.81.
78. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. — М., 1823. — С.45.
79. Бларамберг И. Указ. соч. — С.191.
80. Gamba P. Voyage dans la Russie meridionale et particulièrement dans les provinces situe'es au-dela' du Caucase. — Paris, 1826. — Т.1, p.40.
81. Спенсер Эд. Путешествие в Черкесию. — Майкоп, 1994. — С.15.
82. Там же. — С.17–18.
83. Лазарев М.П. Документы. — Т.II. — С.301.
84. Там же. — С.628.
85. Koch K. Reise durch Rusland nach dem kaukasischen Isthmus. — Stuttgart und Tubingen, 1842. — Bd. I. — S.417.
86. Монперэ Ф.Д. де. Путешествие вокруг Кавказа / Пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пушиной. — Сухум, 1937. — С.143–144.
87. Marigny T. de. Three Voyages in the Black Sea to the Coast of Circassia. — L., 1837, p.1; Мариньи Т. де. Указ. соч. // АБКИЕА. — С.294.
88. Люлье Л.Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на северо-восточном берегу Черного моря // Закавказский вестник. — 1848. — №14. — С.56.
89. ЦГА ВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.2721. Л.294. Цит. по: Чирг А.Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов. — Вып. VIII. —

Майкоп, 1991. — С.246-274.

90. ЦГА ВМФ. Ф.243. Оп.1. Д.2920.

Цит. по: Чирг. А.Ю. Указ. соч. — С. 257.

91. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. — Нальчик, 1999. — С.115-116.

92. Чирг А.Ю. Указ. соч. — С.258.

93. Архив князя Воронцова. — Кн.39. — С.287.

94. Там же . — С.278-279.

95. Чирг А.Ю. Черкесский флот в Кавказской войне // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. — Нальчик, 1994. — С.156-159.

96. Там же. — С.157.

97. Лазарев М.П. Документы. — М., 1955. — Т.2. — С.258. Цит. по: Чирг А.Ю. Указ. соч. — С.158.

98. АКАК. — Т.7. — Тифлис, 1878. — С.887.

99. ГАКК. — Т.7. — Ф.260. Оп.1. Д.25. Л.57. Цит. по: Чирг А.Ю. Указ. соч. — С.158.